

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ ТЕАТРЕ АБСУРДА И РУССКОЙ ДРАМЕ 30–50-х ГОДОВ XX В.

Марина Игорьевна Трунилина

старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а

ferya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2760-1511>

Статья поступила в редакцию: 5.03.2026

В статье рассматриваются принципы создания персонажей в драматургии Д. Хармса и А. Введенского в сопоставлении с пьесами С. Беккета и Э. Ионеско. Цель исследования – выявить общие художественные основания формирования образов в поэтике обэриутов и европейского театра абсурда. Анализируются принципы деперсонификации, условности и схематичности персонажа, антиномии, поведенческого и речевого парадокса, а также алогизма как структурообразующего элемента художественного мира. Показано, что разрушение причинно-следственных связей проявляется как на речевом, так и на сюжетно-композиционном уровне.

Ключевые слова: театр абсурда, драма обэриутов, принципы создания персонажей, антиномия, алогизм, деперсонификация.

Содержание и сюжетно-композиционная ориентация пьес в драматургии обэриутов и театре абсурда настолько своеобразны, что нам представляется практически невозможным трактовать персонажей пьес Д. Хармса, А. Введенского, С. Беккета и Э. Ионеско в системе координат классического образа. Драма обэриутов и театр абсурда, возникшие в переломные моменты мировой истории, ставят перед собой разные эстетические задачи. Театр абсурда в западноевропейской литературе продолжил тему краха, уничтожения старого мира в новых условиях. В то же время он предлагает новое, экзистенциальное прочтение темы одиночества человека, его страха перед этим «усредненным» миром, превращающим личности в незначимый элемент социальной системы,

главной целью которой является материальное обогащение и конформизм. Содержательная направленность театра абсурда, как показывают классические исследования М. Эсслина [Эсслин 2010] и Е. Г. Доценко [Доценко 2004], отражает экзистенциальный кризис, крах традиционных ценностей и тотальное отчуждение человека, что находит свое художественное выражение в распаде устоявшихся форм сценического действия.

В исследованиях, посвященных поэтике ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) ([Жаккар: 1995], [Герасимова: 2018], [Коновалова: 2005]), выделяются ключевые художественные принципы объединения: отказ от рационального осмысления действительности, многогранность изображаемого мира, допускающего нелепые и бессвязные события, а также освобождение слова от привычных смысловых связей. Такое представление о мире дает художнику полную свободу в обращении с языком и порождает жонглирование смыслами.

В произведениях Д. Хармса, А. Введенского, С. Беккета, Э. Ионеско приемы создания героев также укладываются в определенную систему, объединяющую поэтику драматургии обэриутов и театра абсурда. Это позволяет сделать вывод о некоторых общих принципах создания художественных образов в их произведениях. Принципы создания персонажей представляют собой фундаментальные положения, обусловленные эстетической системой взглядов автора и лежащие в основе его художественного метода и совокупности используемых приёмов.

В рамках данного исследования, на материале драматургии обэриутов и европейского театра абсурда, выделяются следующие принципы создания персонажей:

- принцип деперсонафикации персонажа;
- принцип условности персонажа;
- принцип антиномии типов персонажей;
- принцип поведенческого и речевого парадокса;
- аксиологический принцип принятия смерти и абсурдности мира.

В каждой из анализируемых пьес сочетание этих принципов различно, ведущая роль может принадлежать одному или другому принципу, что позволяет говорить одновременно об уникальности каждого текста и об их типологической общности. В этой связи представляется справедливым положение о том, что «при типологическом подходе к персонажам литературы последних столетий, в особенности классической, очень важно подчеркнуть уникальность каждого героя, являющего собой в то же время своеобразную вариацию типа» [Чернец 2016: 2].

Одним из принципов создания персонажей является принцип деперсонафикации. Персонажи пьес Д. Хармса, А. Введенского, С. Беккета и

Э. Ионеско лишаются индивидуализированных биографических и психологических характеристик. Их прошлое либо отсутствует, либо не имеет значения для развития действия. Имена нередко условны, повторяемы или вариативны; социальные функции подменяют личностные качества.

Так, в пьесе Д. Хармса «Елизавета Бам» (1927) героиня лишена определённой идентичности: ее называют Елизаветой Таракановной, Елизаветой Эдуардовной, Елизаветой Михайловной. Биография отсутствует, возраст и социальный статус не уточняются. В «Лысой певичке» (*La Cantatrice chauve*, 1948) Э. Ионеско супружеские пары Смитов и Мартинов настолько схематичны, что могут быть взаимозаменяемыми; их индивидуальность растворяется в бытовом ритуале. В пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» (*En attendant Godot*, 1949) прошлое Владимира и Эстрагона фрагментарно и неустойчиво: герои не помнят событий предыдущего дня, что подчеркивает утрату личной истории.

Деперсонафикация позволяет представить героя как носителя функции – «ждущего», «служащего», «подчиненного», «обвиняемого», – а не как индивидуальность. Личность растворяется в роли, что подчеркивает кризис субъекта в абсурдном мире. При этом принцип деперсонафикации у разных авторов имеют свои особенности. Если у С. Беккета и Э. Ионеско персонажи все же получают некоторые бытовые и социальные характеристики (Поццо и Лаки связаны отношениями «господин – раб», супруги Смит и Мартин погружены в бытовую ритуальность), то персонажи Д. Хармса и А. Введенского почти обезличены. Используя принцип деперсонафикации, обэриуты экстраполируют качественные характеристики героя на любого человека, подчеркивают, что каждого может коснуться подобная судьба.

Персонажи произведений театра абсурда и драмы обэриутов строятся по принципу художественной условности. Они существуют не как психологически достоверные фигуры, а как знаковые элементы структуры. Схематичность проявляется в повторяемости реплик и ритуализированности действий.

В пьесе С. Беккета действие организовано вокруг постоянного ожидания, а персонажи воспроизводят одни и те же диалоги и жесты: попытки уйти, решение повеситься, разговоры о приходе Годо. Безысходность этого ритуала подчеркивается финальными репликами акта: «Эстрагон. Ну что, пошли? Владимир. Пошли. Не трогаются с места» [Беккет 2010: 65]. В «Лысой певичке» диалог превращается в цепь клишированных фраз и анекдотов, лишенных реального содержания. Подобная схематичность мира доводится до абсурда в поведении часов: «Английские часы на стене отбивают семнадцать английских ударов» [Ионеско

1990: 16]. В пьесе А. Введенского «Елка у Ивановых» (1938) персонажи существуют в условном пространстве предрождественского ожидания, где разговоры о смерти звучат наравне с бытовыми репликами, а поведение героев лишено психологической глубины. Условность пространства и времени задается уже в ремарках: «На стене слева от двери висят часы. На них 9 часов вечера» [Введенский 1998: 512], что повторяется на протяжении всей пьесы, создавая эффект цикличности.

Отсутствие эволюции характера подчеркивает стагнацию мира: у Бэккета Владимир остается «ждущим», Эстрагон – «зависимым», а обыватели Ионеско – пленниками социального ритуала.

Система персонажей в анализируемых пьесах строится на антиномических парах, однако противопоставление носит относительный характер и может меняться.

Тип «защитника», «покровителя», «начальника», значимый для поэтики драматургии обэриутов и театра абсурда, в зависимости от контекста пьесы выступает самостоятельно или же образует пару с «зависимым человеком», «подчиненным», «беспомощным».

В пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» пара Поццо – Лаки демонстрирует оппозицию «господин – раб», однако во втором действии ослепший Поццо сам становится беспомощным и зависимым. В пьесе А. Введенского «Елка у Ивановых» нянька, названная «душегубкой», одновременно проявляет раскаяние и страх, что находит отражение в ее абсурдных, лишенных логики просьбах: «Судите коня. Пожалейте меня. Полиция. <...> Да нам и не найти виновного коня» [Введенский 1998: 515]. Контекстуальные антонимы (коня-меня) создают антитезу, переходящую в оксюморон (виновный конь).

Принцип антиномии персонажей в драматургии обэриутов и театре абсурда становится средством художественного воплощения главной идеи: нет ни врагов, ни друзей, отношения между людьми иллюзорны и относительны, основаны на удовлетворении низменных, физиологических потребностей или обусловлены привычкой и прагматизмом. Такой пессимистический взгляд на человеческую природу находит свое отражение, прежде всего, в пьесе А. Введенского «Елка у Ивановых». Защитником нянька называет Федора. Она зовет его на помощь в трудной ситуации. Он и должен бы быть им, имея матримониальные намерения. Автор упрощенно показывает этого персонажа-обывателя, претендующего на наличие богатого душевного мира. Изображая Федора мягким и безвольным, не знающим, что делать – спасать свою невесту или сидеть и горевать, – автор демонстрирует алогичность поведения своего героя, который ищет выход из ситуации в отношениях с другой женщиной, служанкой, и по ее совету идет учиться.

Одним из ключевых средств создания персонажа в анализируемых пьесах становится парадокс. Поведение героя противоречит логике ситуации, а речь соединяет несоединимые стилистические регистры. Этот персонаж – смешной оксюморон, соединение несоединимых черт характера, моделей поведения и речевых стратегий. «Друзья мои, я счастлив нашей встрече! (Видя их недоуменные лица.) Да, да, безмерно счастлив», – говорит Поццо Владимиру и Эстрагону, а минутой позже заявляет, что их взаимный интерес может плохо кончиться [Беккет 2010: 24]. В «Лысой певице» бытовой разговор постепенно распадается на абсурдные выкрики и бессмысленные сочетания слов, что демонстрирует разрушение коммуникации. В «Елке у Ивановых» торжественные стилистические конструкции соседствуют с грубой бытовой речью, создавая эффект комического несоответствия. Например, сочетание возвышенного, сказового и бытового в речи Городового: «И на душе у вас теперь страданье / которое не описать пером» [Введенский 1998: 521].

Поведенческий парадокс проявляется и в том, что персонажи заявляют о намерении уйти или изменить ситуацию, но продолжают действовать по прежней модели (Владимир и Эстрагон остаются ждать; обвиняемые покорно подчиняются).

Используя принцип поведенческого и речевого парадокса, Д. Хармс и А. Введенский не только создают образы-типы, но и выстраивают инверсионный сюжет. Персонажи пьес кричат о своей невиновности, почти дословно повторяя слова друг друга: «Елизавета Бам. Вяжите меня! Тащите за косу! Продавайте сквозь корыто! Я никого не убивала! Я не могу убивать никого!» [Хармс 2001: 145]; «Нянька. Я пред вами. Вяжите меня. Лежите меня и казните меня» [Введенский 1998: 514] и «Я не могу жить!» [Введенский 1998: 530].

Существенное значение в формировании мировоззрения героев имеет аксиологический принцип, связанный с осмыслением смерти и бессмысленности существования.

В «Елке у Ивановых» тема смерти доводится до логического завершения: гибель становится универсальным итогом существования всех персонажей. В пьесе «В ожидании Годо» смерть выступает как постоянная возможность (попытка повешения), но не реализуется, превращаясь в элемент бесконечного ожидания. В «Лысой певице» разрушение смысла достигает такой степени, что финальный крик персонажей знаменует распад рациональной картины мира.

Принятие абсурдности выражается в пассивности героев: они продолжают существовать в замкнутом пространстве, не предпринимая решительных действий. Ожидание, повторение, подчинение становятся формами адаптации к бессмысленному миру.

Особое место в системе художественных принципов поэтики абсурда занимает принцип алогизма, который выступает структурообразующим для драматургии обэриутов и театра абсурда. Алогизм проявляется в разрушении причинно-следственных связей, выраженный как стилистически, так и на уровне сюжетно-композиционной организации текста [Трунилина 2024: 73]. Тем самым создается модель мира, лишённого рациональной упорядоченности, где логика заменяется случайностью и повторяемостью.

Поэтика драматургии обэриутов и европейского театра абсурда 1920–1950-х годов характеризуется общностью принципов создания персонажей. Деперсонафикация, условность и схематичность, антиномия, поведенческий и речевой парадокс, принятие смерти и абсурдности мира формируют новую модель художественного образа.

Персонаж в данной системе не развивается как психологически целостная личность, а выступает элементом философско-эстетической конструкции, отражающей кризис человека в XX веке.

Список литературы

- Беккет С.* В ожидании Годо : Пьесы / С. Беккет ; пер. с фр. О. Тархановой. М. : Текст, 2010. 286 с.
- Введенский А. И.* Елка у Ивановых // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях : в 2 т. / отв. ред. В. Н. Сажин. Москва: Ладомир, 1998. Т. 1. А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин. 1072 с.
- Герасимова А. Г.* Проблема смешного. Вокруг ОБЭРИУ и не только. М.: Издательский дом Университета «Синергия», 2018. 416 с.
- Доценко Е. Г.* С. Беккет и проблема условности в современной английской драме : специальность 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Доценко Елена Георгиевна. Екатеринбург, 2006. 39 с.
- Жаккар Ж.–Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда/ пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб. : Академический проект, 1995. 471 с.
- Ионеско Э.* Лысая певичка : Пьесы; пер. с фр. Пре-дисл. Г. Зингера; сост. И. Дюшена. М. : Известия, 1990. 224 с.
- Коновалова А. Ю.* Эстетика и поэтика обэриутов : специальность 10.01.01 "Русская литература" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Бирск, 2005. 27 с.
- Трунилина М. И.* Принцип алогизма в Европейском театре абсурда и русской драме 30-50-х годов XX века // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 18(24). С. 72–77. DOI 10.17072/2304-909X-2024-18-72-77.
- Хармс Д.* Цирк Шардам: собрание художественных произведений. СПб.: Кристалл, 2001. 1120 с.

Чернец Л. В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4(24). С. 8–16.

Эсселин М. Театр абсурда : The theatre of the absurd / пер. с англ. Галины Коваленко. Санкт-Петербург : Балтийские сезоны, 2010. 526 с.

PRINCIPLES OF CHARACTER CONSTRUCTION IN THE EUROPEAN THEATER OF ABSURD AND RUSSIAN DRAMA OF THE 1930s –1950S

Marina I. Trunilina

Senior Lecturer at the Department of English Language and Professional Communications

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

414056, Russia, Astrakhan, Tatishchev St., 20a

ferya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2760-1511>

Submitted 5.03.2026

The article examines the principles of character construction in the dramaturgy of Daniil Kharms and Alexander Vvedensky in comparison with the plays of Samuel Beckett and Eugène Ionesco. The aim of the study is to identify the common artistic foundations underlying the formation of characters in the poetics of the Oberiu movement and the European Theatre of the Absurd. The analysis focuses on the principles of depersonalization, conventionality and schematization of the character, antinomy, behavioral and speech paradox, as well as alogism as a structural element of the artistic world. It is demonstrated that the destruction of causal relationships manifests itself both at the level of speech organization and in the plot-compositional structure of the text.

Key words: theatre of the absurd, drama of oberiuts, principles of character construction, antinomy, alogism, depersonalization.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Трунилина М. И. Принципы создания персонажей в европейском театре абсурда и русской драме 30–50 гг. XX в. // Мировая литература в контексте культуры. 2026. № 22 (28). С. 47–53. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-47-53.

EDN DVDFA

Please cite this article in English as:

Trunilina M. I. Principy sozdaniya personazhej v evropejskom teatre absurda i ruskoj drame 30–50 gg. XX v. [Principles of Characters Construction in the European Theatre of Absurd and Russian Drama of the 1930s–1950s]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2026, issue 22 (28), pp. 47–53. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-47-53. EDN DVDFA